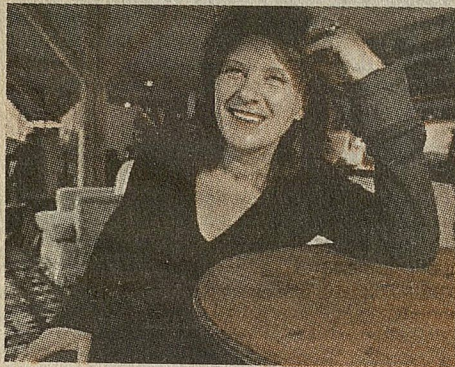

“Я — за власть женщин, но отнюдь не против мужчин”

Катрин Брейя — Газете

Газета — 2004 12 мая с 12.

Общепризнанная скандалистка и убежденная феминистка Катрин Брейя приедет на днях в Москву, чтобы представить сперва в рамках фестивального показа «Ликов любви», а затем и в прокате свой новый фильм «Порнократия». Накануне российской премьеры **Антон Долин встретился с Катрин Брейя в Париже.**

Прежде всего тривиальный вопрос: что это такое, «Порнократия»?

Жаль, что в России фильм вышел под таким названием. Его настоящее название — «Анатомия ада». «Порнократией» называется моя книга, по которой я поставила эту картину. Меж тем фильм нельзя назвать чистой иллюстрацией книги. Хотя бы потому, что книга написана с точки зрения женщины, а фильм демонстрирует точку зрения мужчины. И я, как

автор, прячусь здесь под личиной мужчины. «Анатомия ада» — куда более «мужское» название, чем «Порнократия». Что до смысла этого слова, то «порнократия» — отнюдь не царство порнографии, как можно было бы предположить, а политический термин, позаимствованный из древнегреческого. Порнократия — это политическая власть в руках женщины, к примеру куртизанки. Слово избрели мужчины, которые неизменно боятся соблазняющих их женщин. Ими движет страх: «Что, если искусительница разбудит во мне чувства, которые возьмут власть надо мной?» Так и связаны власть сексуальная с властью политической. Теория порнократии — это теория исторжения женщин из политики, кстати, обратившаяся в сегодняшнем мире в практику. Демократия есть власть всех людей на земле, исключая женщин.

Вы бы предпочли видеть в зале на этой картине больше женщин или мужчин?

Сказать, что лишь женщины смогут увидеть и понять этот фильм, — значит, сказать, что прогресса не существует, что мы так же дремучи, как сто лет назад. Исторически мужчины подчинили себе женщин и сделали

их рабынями. Подобные преступления надо признавать, иначе мы не изменимся! Ведь признали же, что когда-то люди убивали негров и сжигали пачах евреев? Мы можем нести ответственность за преступления наших отцов лишь в одном случае: когда мы отрицаем эти преступления. Отрицаем — значит соучаствуем. Я — за власть женщин, но отнюдь не против мужчин.

Ваш фильм похож на философский трактат, однако текст сопровождается провокационно-сексуальными образами. Это очевидное «кино не для всех». А вам никогда не хотелось сделать фильм для более широкой публики?

Нет. Мой фильм достаточно интеллектуален... Ну что поделаешь, если люди не хотят быть умными! Мыслить — не так уж болезненно, право слово. И потеть не приходится. По правде говоря, смотря мой фильм, можно даже и не думать слишком много. Достаточно сидеть в своем кресле и испытывать какие-то эмоции. Если такой фильм выпустить только в трех залах, но хороших, то прокат можно продолжать по меньшей мере год. А то и два. Проблема не в этом, а в том, что кинокритики считают зрителей не способными потреблять любой продукт, кроме заранее пережеванного. Между прочим, в жизни можно питаться не только гамбургерами. И зритель не обязан проходить тот же интеллектуальный путь, который прошла я для того, чтобы снять этот фильм.

Ему достаточно тихо сидеть и смотреть. А моя картина длится чуть больше часа!

И все равно ее нелегко смотреть...

Стоит заговорить о сексе, и зрители уже ждуть юмора, ждуть комедии. Это предубеждение. Помните, физиологическое удовлетворение имеет мало общего с удовольствием. Язык тела — это вечный, а значит, абстрактный язык. Лишь тело заставляет человека говорить абстрактно. А общество заставляет нас выражаться «конкретно», превращая секс в чистую эмоцию. Посмотрите порнофильм: член движется туда-сюда, и это вы предлагаете называть эмоцией?! Более того, когда это зрелище не вызывает у вас эмоций, оно становится отталкивающим.

Вы считаете, что показываете в фильме вещи, которые невозможно передать словами?

И даже вообразить! Трудно представить себе, как выглядит со стороны женщина, вынимающая из себя «Тампакс», — а я это показываю. Представить нельзя — но можно увидеть, и приходится признать, что комичного в этом мало. Все сексуальное нас смущает, и мы пытаемся защититься глупым смехом. Мой фильм этому смеху мешает.

Считаете ли вы, что сексуальный аспект превращает ваших персонажей в животных или, напротив, делает их людьми в полном смысле слова?

Человеческая сексуальность крайне важна — уж не меньше, чем способность человека ходить на двух ногах, в отличие от животных. Сексуальность, впрочем, связана с силой, а сила предполагает отказ от разума — то есть возвращение к животности. С другой стороны, эту силу сексуальности чаще связывают с мужчинами, чем с женщинами. Поэтому мужчинам так трудно фальсифицировать историю, представив сексуальность как прогресс: в их случае она ведет к регрессу.

газета

а она все поет «Романсы»

Катрин Брейя начинала как писательница и даже сотрудничала с Феллини. Ее кинодебютом («Настоящая девушка», 1976) стала скандальная экранизация ее же романа с участием бывших порнозвезд. Долгое запрещение картины не смутило автора, всегда готового идти в творчестве дальше, чем осмеливаются воспринять публика. Все фильмы Брейя, вплоть до «Романса X» (1999), не разрешалось показывать детям до шестнадцати. Проблематика этой и следующих картин — «Узкий пролив», «Интимные сцены» (обе 2001), — впрочем, выходила за рамки сексуальной.